

Алексей Котов

*Принцип
анекдота*

Алексей Николаевич Котов

Принцип анекдота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24938702

Аннотация

На мой взгляд, древние греки ошиблись, разделив человеческий театр на Трагедию и Комедию. Только трагедия слишком похожа на зубную боль, а только комедия – на ослиное веселье. И лишь соединяя все в единое целое можно увидеть настоящий Театр. В сборник вошли целых 27 актов, в сущности, одной трагикомедии под названием Жизнь.

Содержание

Принцип анекдота	4
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Принцип анекдота

*Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.*

Роберт Бернс.

Иногда на рыбалке бывает скучно. Особенно когда не клюет. От нечего делать мы с Сашкой идем в ближайшую лесополосу рядом с железнодорожным полотном. Наш расчет прост: если дармовая рыба не желает прельщаться художественными червяками, нам не остается ничего другого кроме как сменить рыбалку на элементарное собирательство. Вечера прошел сильный дождь и вокруг буквально царит тяжелый, исходящий от земли грибной запах. Проплывающие по небу огромные облака бросают на землю причудливые тени, они постепенно сгущаются и уверенно захватывают пространство. Только что солнце приятно согревало щеку и вот его уже нет... Островки сценически яркого, солнечного света становятся все меньше и меньше.

– Дождь будет, – безразлично говорит Сашка.

Конечно, будет. Я поднимаю голову и долго смотрю на облака.

– Сашка, слышь...

– Что? – нехотя отзывается мой друг.

– Может быть, ну их, эти грибы, а?.. Поехали лучше домой.

– Дождичка испугался?

Сашка щелкает семечки и осматривается по сторонам. Ему явно скучно. Природа наградила моего друга веселым, общительным и, я бы даже сказал, немножко склочным характером. Разговор со мной уже порядком надоел Сашке и сейчас он с удовольствием принялся бы задирать кого-нибудь еще. Но вокруг никого нет...

Сашка вздыхает...

Мы выходим к железнодорожному полотну. Неожиданно Сашка толкает меня в бок. Я не спеша, оглядываюсь и ... О, Боже! На рельсах, обхватив голову руками, лежит человек. То, что это самоубийца становится ясным сразу.

Сашка хватает меня за рукав и в корне пресекает мою, в общем-то, естественную попытку прийти на помощь гибнущей человеческой душе. Заметив в прищуренных Сашкиных глазах светлые и веселые, бесовские искры я невольно подчиняюсь.

Сашка молча тянет меня за собой. Стараясь не шуметь, мы взбираемся по не очень крутому склону железнодорож-

ной насыпи. Пока я с болезненным любопытством рассматриваю самоубийцу, Сашка, как ни в чем ни бывало, присаживается рядом с ним на рельс.

Мужик тихо стонет... Оказывается, его руки не только прикрывают голову, но еще медленно, с усилием до набухания вен, рвут чуть тронутые сединой волосы.

Сашка сплевывает шелуху и громко кашляет. Но мужик ничего не слышит. Или не хочет слышать?.. Пылающая боль пожирает самоубийцу изнутри и он крепко прижимает свою голову к холодному рельсу.

Сашка осторожно кладет руку на подрагивающее плечо незнакомца.

– Слышь, мужик, – небрежно говорит он. – У тебя закуристь есть?

Самоубийца поднимает голову. В его мутных, залитых слезами глазах нет ничего кроме боли и страшной, опустошающей скорби.

Он говорит вяло и тихо:

– Уйди... А то убью.

Человеку на рельсах уже нет никакого дела о того, что происходит на этом свете. Он хочет умереть. Он уже мертв... Самоубийца с тихим стуком кладет свою голову на рельс и замирает.

Сашка выбрасывает семечки. Я со страхом смотрю на своего друга. Сашка думает... Он вытирает губы широкой ладонью и строгим взглядом приказывает мне не лезть не в свое

дело.

– А мы что, мешаем тебе, что ли? – спрашивает Сашка самоубийцу. – Ну, извини. Мы поезд подождем. Кажется, он должен здесь остановиться. Ты как считаешь?

Мужик больше не стонет. Хриплым и глухим голосом он еще раз обещает Сашке прихватить его с собой на тот свет.

– Да, ладно!.. – Сашка беспечно улыбается. – Тебе что, места на рельсах жалко?

Самоубийца встает. Он встает медленно, как смертельно усталый человек, но взмах его руки настолько быстр, что я едва успеваю заметить это движение. Кулак, со свистом прорезав воздух, едва не касается улыбающегося лица моего друга. Только кошачья быстрота, которая уже не раз уже спасала Сашку в, казалось бы, даже безвыходных ситуациях, позволяет ему избежать расправы и на этот раз.

Живой труп поворачивается в мою сторону.

– А тебе какого хрена здесь надо?! – кричит он.

Встретившись взглядом с затуманенными болью глазами незнакомца, я цепенею. На какое-то мгновение мне кажется, что ледяной, могильный холод касается чего-то теплого и запретного в моей груди от чего это теплое нечто вдруг превращается в мягкий, беззащитный и дрожащий от ужаса комочек. Я ничего не успеваю ответить. Мужик с силой толкает меня обоими руками в грудь. Какое-то мгновение мне удается сохранять равновесие. Затем я падаю на грудь и съезжаю по насыпи вниз. Откуда-то сверху до меня доносятся возму-

ценная Сашкина ругня и хриплый, злой голос незнакомца.

Я быстро карабкаюсь наверх. Еще мокрая после недавнего дождя трава скользит под ногами и когда мне, наконец, удастся взобраться на прежнее место, все уже кончено. Самоубийца в прежнем положении лежит на рельсах, а присевший невдалеке от него Сашка раскуривает сигарету.

Взглянув на меня, Сашка усмехается.

– Не поймал! – громко говорит он.

Я осторожно, не отрывая взгляда от самоубийцы, подхожу ближе и натываюсь на Сашкину руку с пачкой сигарет.

– На, кури, – говорит Сашка. – У нас пока перекур в аттракционе.

Несколько минут мы молча курим, изредка посматривая на мужика. Он лежит тихо.

– Леха, анекдот хочешь? – Сашка щурится на огонек сигареты и чему-то улыбается. – Новый, кстати говоря... Вчера в автобусе услышал.

Я ничего не понимаю.

– Какой анекдот? – переспрашиваю я шепотом.

– Ты еще «бэ-э-э» скажи!.. – тихо шипит в ответ Сашка и тут же громко добавляет. – Анекдот, спрашиваю, хочешь?

– Ну, хочу...

– А без ну?

– Это самое... Хочу, в общем.

Я по-прежнему ничего не понимаю. Ничего!.. Даже окружающая природа вдруг начинает терять свои реальные очер-

тания: набежавшие тучи почти полностью закрыли солнце и только один его луч, до неестественности яркий и сияющий, озаряет крохотный пятachок земли вокруг нас, отчего сгущающиеся, предгрозовые сумерки кажутся все более темными и пугающими.

Первая капля дождя скользит по моей щеке. Я машинально тру щеку... Что ни говори, а мой друг выбрал довольно удачное время для рассказа своих многочисленных, веселых историй!.. Что же касается публики, то и этот выбор выше всяких похвал. Нет, я не спору, что по части рассказывания анекдотов Сашка – талант. Маленькая история, время изложения которой в лучшем случае занимает несколько десятков секунд, оживает в пересказе Сашки самым удивительным образом. Двумя-тремя словами, мимикой лица, жестом он настолько точно может передать... как бы это получше выразиться?.. даже не характеры, нет, а их динамику, движение, эмоциональный настрой, что, честное слово, по-моему, просто нет и не может быть человека, который бы не поверил, что все, о чем рассказывает Сашка, не случилось на самом деле. И черт меня возьми, если анекдот в Сашкином изложении не приобретает совсем другого звучания, чем у кого-то еще!

Сашка выбрасывает окурок.

– Мужик, – обращается он к самоубийце. – Ты анекдоты любишь?..

Самоубийца молчит.

Сашка начинает:

– Значит, беседуют три роковые женщины. Одна хвастается: «Слушайте, бабы, я отбила мужей у трех жен!» Вторая говорит: «Ха!.. А вот я у пяти!..» Третья немного помолчала и спрашивает: «Вы скульптуру Веры Мухиной «Рабочий и колхозница» когда-нибудь видели?» – «Видели, а что?» – «Ну, так вот, вчера я отбила от нее рабочего...»

Никакой реакции. Но тотчас на нас обрушивается целая лавина анекдотов.

– ... «Если бы ты только видела, сваха, как они дерутся!» – «Может быть, ребята нанюхались чего-нибудь?» – «Да кто же ее, родимую-то, нюхает?!» Обезьяна придремала на пальме и свалилась на спящего под пальмой тигра. Чумной спросонья тигр вскакивает и кричит: «А?!.. Что?!.. Где охотники?!..» Обезьяна, с ужасом глядя на тигра шепчет: «Боже мой, еще и охотники!..» Муж упрекает жену: «Деньги могут испортить любую бабу». Жена в ответ: «Конечно. Но если бы ты только знал, какое блаженство она в этот момент испытывает!..»

Дождь смелеет... Между шпалами уже образовались первые лужицы с радужными, мгновенно умирающими пузырьками. Но солнечный луч еще жив... Он только сузился до почти прожекторного, отбежал от нас немного в сторону и бродит на небольшой, поросшей высокой травой опушке.

– ... Рубль и доллар выходят из бара. Рубль споткнулся и говорит: «Вот черт!.. Чуть не упал». Доллар говорит: «Давай поддержку». Рубль отвечает: «Знаю, как ты поддерживаешь».

Пока ты меня до дома доведешь, я тебе червонец должен буду!...»

Через пару томительно долгих минут самоубийца, наконец, высказывает свою точку зрения на Сашкины анекдоты.

Не отрывая головы от рельсы, он кричит:

– Ща задушу, падлу!..

Сашка удовлетворенно усмехается и увеличивает темп монолога. Теперь анекдоты льются – именно льются! – без остановки, и чем-то очень напоминают диковатый, подхваченный ветром августовский дождь. Ах, этот дождь!.. Он хлещет то по одной щеке, то по другой, его капли туманят глаза, лезут в уши, и от них нет спасения. О, путник!.. Убери свой бесполезный зонтик. Ты уже и так весь промок с головы до ног, а твои жалкие попытки спрятаться просто смешны. Ты сам, – слышишь? – ты уже сам рождаешь смех!..

Самоубийца чуть поворачивает голову, и я вижу его измятую, подрагивающую щеку... Я вижу как ему тошно и больно. У самоубийцы плаксиво-беспомощное выражение лица и единственное чего он хочет (о чем он молит Господа Бога!) – побыть наедине с самим собой последние минуты жизни. Они нужны ему для того, что бы еще раз, – в десятый ли или сотый – прикоснуться к своей обиде, взлелеять ее, растормошить, чтобы затем принять надвигающуюся темноту как должное и как спасение...

Но Сашка неумолим и в его душе нет ничего святого.

Сашка продолжает бесчинствовать:

– ... Муж говорит жене: «Слушай, дай мне на бутылку и я тебе все прощу». Жена спрашивает: «Интересно, а за что это ты меня должен прощать-то?!» Мужик: «Как это за что?.. За бутылку!»

Самоубийца пытается заткнуть уши и мне хочется сделать то же. Что-то внутри меня начинает дрожать и словно превращается в натянутую до предела нить. Мне кажется, что мир сошел с ума!.. Дождь хлещет меня то справа, то слева и я не могу связать в своей голове в единое целое страшное желание смерти незнакомца, Сашку, читающего над самоубийцей свой кошмарный монолог, негаснущий солнечный луч, дождь, ветер и все, все, все ... Это дико, это просто неестественно!..

Неожиданно для самого себя я начинаю смеяться. Смех выплывает из самой глубины моих легких и все громче и громче начинает клокотать в горле. Смех возникает помимо моей воли. Он неестественен, как и все вокруг. Он – как рвота!.. Именно как рвота и эта рвота выворачивает меня наизнанку.

Сашка неистовствует. Все смешалось в кучу: раненый Василий Иванович переплывает Урал и дарит белым такие афоризмы, что их пулемет давится патронами; ловкие жены ставят рога своим мужьям на глазах последних; американские президенты восхищаются русскими пьяницами; могильщики пьют на брудершафт с покойниками; участники Куликовской битвы требуют себе льготы; Штирлиц преду-

преждает Бормана, что вокруг немцы...

В А – В И – Л О Н!..

Боже мой, и я над всем этим смеюсь?!..

Плечи самоубийцы начинают мелко подрагивать, по его телу пробегает дрожь. Он смеется... Чтобы привести себя в чувство, мужик несколько раз с силой бьется головой о рельсу. Он плачет, но смех снова прорывается сквозь его слезы.

– Уйди же, гад!.. – кричит мужик Сашке. – Уйди, Христом Богом тебя прошу, уйди!

Слезы делают глаза самоубийцы живыми и похожими на глаза страдающего ребенка.

Сашкин монолог – как и дождь – достигает своего апогея. Это шквал!.. Я не почти не вижу ничего вокруг за стеной дождя и не слышу из-за Сашкиных слов.

Я понимаю, что попросту действительно схожу с ума, но ничего не могу с собой сделать. Я устал смеяться, мне кажется, что я смеюсь уже тысячу лет. Самое удивительное то, что любой, пусть даже самый смешной Сашкин анекдот, если бы он был рассказан один, он не вызвал бы у меня и тени улыбки. Но анекдоты льются один за другим и Сашка, как искусный чародей, плетет из них какое-то удивительное, завораживающее кружево. Это кружево опутывают волю, мешают сосредоточиться, остановиться и взять себя в руки. Я никогда еще не видел Сашку таким. Месяц тому назад он довел своими анекдотами нашу цеховую табельщицу – улыбчивую и смешливую девчонку – до полной истерики. На спор. Но

тогда все было по-другому, тогда один смешил, а другой хотел посмеяться... А что происходит сейчас? Нет, я не смеюсь. Смех не может быть таким!.. Меня просто рвет на куски какая-то страшная, выворачивающая сила.

Я с огромным трудом отрываю свой взгляд от лица Сашки и смотрю на умирающий солнечный луч. Он уже достаточно далеко отбежал от нас и еле виден за синеватой пеленой дождя. Луч стал еще меньше, но он еще живет, еще сопротивляется серой краске, стирающей все в единое и безликое.

Мне очень плохо!.. Еще минута и я просто потеряю сознание. Мир вокруг меня расплывается в одно большое, бесформенное пятно. Я вижу только одну светлую точку...

– Хватит!

Я резко оглядываюсь. Дождь кончился. Самоубийца сидит на рельсе и трет лицо руками, как только что проснувшийся человек.

– Хватит...

Пауза...

Сырость... Пустота... Состояние усталой одичалости.

Мужик просит:

– Дайте закурить.

Сашка вынимает из нагрудного кармана рубачки промокшую пачку сигарет. Он критически осматривает ее и переводит взгляд на меня. Я встаю и только сейчас замечаю, как сильно затекли ноги. Мои сигареты лежат во внутреннем кармане куртки. Они не промокли.

– Спички есть? – спрашивает Сашка мужика.

– Дома забыл.

– Ясно. Не до того, значит, было...

Бывший самоубийца морщится и неуверенно тычет подрагивающий кончик сигареты в огонек, спрятанный между моими ладонями.

Мы молча курим... Мужик шмыгает носом, то и дело вытирает лицо и оглядывается по сторонам. Я ясно вижу на его лице недоумение и ужас, словно он никак не может вспомнить, как он здесь оказался.

– Может проводить тебя? – безразлично спрашивает Сашка.

– Не надо...

– Сам-то из Боровков?

– Оттуда.

– А рельсы зачем красить собрался?

– Жена ... – челюсть мужика начинает мелко подрагивать.

Он пытается сказать что-то еще, но судорога на лице мешает ему говорить.

– Что жена? К теще в гости уехала?

– Нет...

– Ушла?

– Нет...

– Понятно, – Сашка говорит нарочито грубо и пренебрежительно. – Ну а ты, стало быть, за ней на тот свет собрался?

– Нет... Она не ушла... Не умерла... Она сбежала, – му-

жик опускает голову. Его голос звучит глухо и отчужденно. – К школьному другу сбежала. Любовь у них была... Раньше...

– Тоже ясно, – Сашка кивает. – Жалко, что я не твой папаша. Я бы тебе морду набил.

Ветер быстро растаскивает опустошенные и легкие облака. С высоты насыпи я хорошо вижу, как в еще мутной дали то тут, то там вспыхивают пробившиеся к земле столбы солнечных лучей. Жаль, но я уже не могу найти среди них тот самый луч, который еще недавно так отчаянно сопротивлялся дождю.

Кряхтя, мужик встает с земли и, не попрощавшись, идет по шпалам в сторону Боровков.

Сашка улыбается.

– Ты бы хоть спасибо сказал! – кричит он вслед.

Но мужик не оглядывается, а только слабо взмахивает рукой.

А я думаю о том, что я ненавижу смех. Ненавижу больше всего на свете. И я больше никогда не буду смеяться. Никогда и не над чем...

... Мы возвращаемся домой уже вечером. Наш путь к железнодорожной станции лежит через Боровки. Сашка щелкает семечки и изредка бросает на меня удивленные взгляды. Дело в том, что мне смешно. Я готов смеяться над чем угодно: над перебежавшей дорогу кошкой, над отражениями в лужах и даже над самим Сашкой. Мой друг устало улыбается в ответ и изредка бросает короткие реплики: «Чего

ржешь, дурак?» или «Не пугай старушек, идиот!»

Я долго и от души хохочу над каждой Сашкиной фразой. Если честно, то у меня уже давно не было так легко и свободно на душе, как теперь. Дурашливое ощущение простого, почти детского счастья едва ли не заставляет меня петь, а то и просто пройтись на руках.

Откровенно говоря, мне и самому кажется странным такое легкомысленное настроение. Впервые оно дало себя знать еще у реки, когда леска одной из наших удочек зацепилась за корягу. Сашка полез в воду... Он шел осторожно и держал руки так, словно шел по канату. Его движения казались мне неуверенными и даже нелепыми... Я рассмеялся и настолько громко и неожиданно, что Сашка выругался в ответ. Я хотел было ответить, но едва не подавился смехом. Впрочем, это был уже совсем-совсем другой смех: искренний и легкий, как облегчение после боли. И он не имел ничего общего с тем, который выворачивал меня наизнанку там, на рельсах.

Сашка долго возился у коряги, стоя на полузатопленных бревнах. Он изредка бросал на меня хмурые взгляды, а потом не выдержал и спросил:

– Что с тобой? Сдурел, что ли?..

– А что и посмеяться нельзя?

– Раньше нужно было смеяться, – рассудительно заметил Сашка и кивнул в сторону железной дороги. – Или до тебя доходит как до верблюда?

Я сказал, что смеялся и там.

Сашка сплюнул:

– Ага, я видел как: глаза вытаращил, за рельсу обоими руками схватился, а потом вообще отвернулся...

Мы немного поругались, что, впрочем, нисколько не испортило моего радужного настроения...

Немного не доходя до станции, Сашка трогает меня за плечо:

– Смотри, вон наш крестник.

– Где, где?..

– А вон...

Я оглядываюсь: на порожках небольшого, довольно уютного домика сидит наш бывший самоубийца. Он что-то говорит стоящей к нам спиной девочке лет четырех-пяти и часто, неумело поправляет на ней ситцевое платьице.

– Дочка, наверное, – говорю я. – Значит, не один он остался.

Сашка жмет плечами.

У девочки в руках маленькая лопатка и она явно куда-то торопится. Девочка кивает в ответ отцу и часто нетерпеливо притоптывает ножкой.

– Дочка, – говорю я. – Точно дочка...

– Идем, – Сашка тянет меня за рукав. – А то на поезд опоздаем.

Перед тем как уйти, я бросаю последний взгляд на бывшего самоубийцу. Оказывается, у него довольно молодое лицо,

которое можно было бы назвать даже приятным, если бы его не портили припухшие мешки под глазами. Но это пройдет. Потом, со временем...

Электричка с гулом летит через темный, кое-где уже начинающий желтеть, августовский лес. Мы с Сашкой молча сидим у окна и думаем каждый о своем.

На западе снова собираются тучи. Наверное, снова скоро будет дождь. Может быть, этой ночью. Я очень люблю, когда ночью идет дождь, тогда легко верить во что-то хорошее.

Сашка вздыхает и трет рукой мускулистую шею.

Потом он спрашивает:

– Анекдот хочешь?

Разумеется, это уже насмешка.

– Пошел к черту!

– Я серьезно.

– Я тоже. Могу и по морде дать.

– Хо-хо!..

От нечего делать я снова смотрю в окно. Мне – хорошо. Мне просто хорошо и все. Улыбка начинает растягивать мои губы.

– Опять лыбишься? – спрашивает Сашка. – Кстати, забыл тебе сказать, я у тестя в гараже вчера нашел какой-то сосуд со странным названием. Кажись, водка. Ты как, а?..

– Что как?

– Что, что!.. Маленький что ли? Приглашаю отведать после трудов праведных. Будешь?

– Не знаю...

С невыразимой ясностью я вдруг понимаю, как люблю все вокруг: убегающий лес, Сашку, облака, уже еле видимое за деревьями солнце, сегодняшний день и еще все то, что и составляет нашу жизнь.

– Давай решай. Или ты жены боишься?

– Кто, я?!.. Ладно, едем в гараж.

– Отлично. Кстати, твоя улыбочка очень похожа на дурацкую.

Я знаю... Глупо любить все то, что дано тебе просто так, даром. Но я люблю жизнь, люблю так, как не любил никогда до этого.

– У нас пожевать что-нибудь осталось?

– Совсем немного.

– Немного? Это плохо. Нужно еще в магазин забежать...

Сашка говорит что-то еще, но я его уже не слушаю. Я думаю о другом. Пусть это опять-таки звучит глупо, но я думаю о любви... О любви к жизни вопреки всему, отчаянной и бесшабашной, о любви, смысл которой прост и гениален, непонятен и огромен, весел и трагичен. И прекрасен как парадоксальный принцип анекдота...

... Ах, этот чертов Сашка!

Поцелуй «Пегасихи»

Неподалеку от турбазы «Березка» есть «дикий пляж». Там

полоска песка – только вдоль берега, а сам пляж – бугорки и впадинки, поросшие мягкой, сочной травой. Если две парочки влюбленных лежат в пяти шагах друг от друга, они не видимы для любопытных глаз. На «диком пляже» всегда мало людей.

... Я лежу на спине и щурюсь на солнышко. Там, ближе к реке на крохотном взгорке, сидит Леночка. Если я чуть-чуть приподниму голову, я увижу ее высокомерное лицо и презрительную улыбку.

Да, мы поссорились и теперь самое главное, у кого не выдержат нервы. Я снисходительно усмехаюсь. Что ж, посмотрим!.. Я закрываю глаза и принимаюсь рассматривать желтый круг в темноте. Мне просто хорошо. У меня насмешливое и легкое настроение. А Леночка действительно очень похожа на гордую королеву. Но я терпелив, как разбойник в засаде.

Легкая дремота... Неожиданно я слышу тихий шорох. Я и не думаю открывать глаза, потому что уверен, что это Леночка. Гордая королева пришла сдать на милость победителя-разбойника и нежно поцеловать его в нос.

Шорох повторяется. Я чувствую, как моих губ касается что-то мягкое. Хо-хо-хо! Ладно-ладно, я не гордый... Я улыбаюсь и открываю глаза.

Ба!.. Оказывается, надо мной нависает огромная лошадиная морда. Я взвизгиваю, отталкиваю тянущуюся к моим губам лошадь и шарахаюсь в сторону.

Леночка громко смеется и хлопает в ладоши. У нее счастливое, почти детское лицо юной разбойницы.

– По-це-ло-ва-ла!.. – скандирует по слогам Леночка. – Я видела, как она тебя поцеловала!

Я встаю и прогоняю лошадь. Иди отсюда, пегосятина!.. Через пару минут я возвращаюсь назад. Я ложусь на спину и смотрю на солнце. Так-так, Леночка... Значит, тебе смешно, да? Хорошо же!.. Теперь, я абсолютно уверен, наша ссора кончится не скоро.

Леночка, наконец, перестает смеяться. На ее красивом лице снова появляется маска холодного высокомерия. Она даже усмехается.

Солнце скрывается за облаком. Проходит пять минут. Дремота... Она легкая, как утренний туман.

Что-то снова касается моих губ.

– Уйди, Ленка, все равно я тебя не прощу, – строго говорю я.

Вверху позвякивает уздечка. Я открываю глаза... Надо мной снова висит лошадиная морда.

– Да, елки-палки!

Мой вопль, наверное, слышен на другом берегу, а смех Леночки, вне всякого сомнения, в ближайшей деревушке.

– По-це-ло-ва-ла!.. – снова скандирует Леночка и чуть ли не рыдает от восторга. – Она тебя опять поцеловала!

Леночка восхищена и колотит кулачками по земле. Я называю лошадь «сволочью», вскакиваю и хватаю ее за уздеч-

ку. Будь моя воля, я бы утопил в реке это упрямое животное. Я тяну лошадь за собой...

Рядом с «диким пляжем» растет высокий кустарник. Он похож на лабиринт: полянки чередуются с узкими проходами, проходы – с лазами, а лазы – снова с полянками. Я увожу лошадь подальше, туда, в «лабиринт». Потом крепко – с помощью булыжника – вбиваю в землю железный колышек, который привязан к уздечке настырной лошади. Любвеобильная «пегасиха» смотрит на меня влажными, чуть грустными глазами.

Я показываю лошади кулак:

– Поняла, да?

Лошадь утвердительно трясет головой. Я возвращаюсь на прежнее место.

Леночка безучастно рассматривает реку... На ее лице снова холодная усмешка и королевское презрение.

– Слышь, обцелованный лошадкой... – лениво окликает меня Леночка.

Я молчу.

– Скажи честно, тебе понравилось?

Я ложусь... Потом прикуриваю сигарету. Я смотрю на облака и думаю о том, что вместо ожидаемого поцелуя Леночки, я дважды дождался лошадиной ласки. Нет-нет, один раз это еще куда ни шло, но два?!... Я думаю-думаю-думаю. Нет, в том, что случилось со мной, определенно есть какой-то подвох. Что-то искусственное.

Я осторожно приподнимаю голову. Леночки уже нет на бугорке. Понятно!.. Я тихонечко проползаю десяток метров по вмятине-ложбине. Ладно-ладно, сейчас я во всем разберусь.

Трава щекочет нос, и на моей спине тут же устраивается целое стадо комаров. Локоть врезается в пустую консервную банку, а живот скребет по суковатой палке брошенной возле старого кострища. Это просто побег из концлагеря какой-то!..

Я отлично помню, где привязал лошадь. Но я пробираюсь к этому месту не на прямую, а сбоку. Кустарник колет мои ладони... Кустарник гораздо выше меня, и я вижу его сетчатую, маскировочную тень на своих руках.

Осторожнее! Ну, тише, пожалуйста. Протискиваясь в очередной лаз, я едва не теряю плавки. А, черт возьми!.. Кое-кому, я очень на это надеюсь, придется за это ответить.

Наконец, я достигаю своей цели – через густую, почти метровую, стену листвы пусть и с трудом, но я вижу лошадь. А рядом с ней, конечно же, Леночка. Правда, я вижу ее только со спины – ее голубой купальник и рассыпавшиеся по плечам светлые кудряшки.

Леночка наклоняется.

– Вот упрямый... – чуть слышно шепчет она.

Леночка рвет из земли железный колышек, но он не поддается. Она выпрямляется и оглядывается по сторонам. Леночка понимает, что для того, чтобы справиться с колышком,

ей нужен камень, а еще палка. Камень нужно положить на землю, опереться на него палкой и действовать ей, как рычагом. Там, на железном колышке есть крупная зазубрина, специально сделанная для такой операции.

Леночка находит брошенный мной камень, но с палкой ей приходится повозиться. Палка лежит в глубине колючего кустарника и до нее трудно дотянутся рукой.

– Ой, мамочки! – тихо шепчет Леночка.

Я плохо вижу, но понимаю, как нелегко приходится Леночке. Кустарник колюч, как тысяча ежиков.

– Ой, папочки!..

Леночка все-таки достает палку. Потом она справляется с колышком.

– Иди-иди, – Леночка гонит лошадь в сторону пляжа. – Иди же!..

Что ж, мне пора. Я быстро огибаю стену кустарника и так, чтобы оказаться за спиной у Леночки.

– А-а-а, значит, гордая королева занимается мелкими интрижками? – кричу я. – Ваше Величество пасет лошадку? А куда идем Ваше Величество?.. На пляж, наверное?

Мой обходной маневр завершен и я вижу, что... Господи, но это же не Леночка! Девушка в синем купальнике удивительно похожа на нее, но только со спины, как бывают похожи все молодые девушки.

Несколько секунд я и незнакомка удивленно рассматриваем друг друга. Девушка вдруг все понимает. Она понима-

ет, что ее поймали за «кражей» лошади, которую она, вне всякого сомнения, собиралась натравить на своего парня.

Девушка краснеет и тихо говорит:

– Ой!.. Не рассказывайте, пожалуйста, Сереже.

А кто такой Сережа?

– Он там, – девушка кивает в сторону пляжа. – Возле мостика меня ждет...

Точнее говоря, парень наверняка лежит с закрытыми глазами и ждет, пока девушка утешит его поцелуем. Но по замыслу королевы-интриганки «утешать» его будет, конечно же, лошадь.

Незнакомка смотрит на камень и палку в своих руках. Она чуть морщится и бросает улики в сторону.

– Знаете, эту лошадь Пегасихой зовут, – говорит девушка. – Ее в прошлом году ребята из спортивного лагеря целоваться научили.

– Интересно, как?

– Ну, так... – девушка делает неопределенный жест рукой. – Ребята ложились на землю и держали в зубах кусочек сахара или морковки. Теперь Пегасиха тут охотится на влюбленных.

Мы идем с незнакомкой в сторону пляжа. Меня неудержимо тянет в смех.

– Знаете, – говорю я, – Пегасиха отличная находка именно для вас, гордых королев.

– Что?.. – удивляется девушка.

– Все гордые королевы удивительно похожи друг на друга, – продолжаю я. – Сначала вы с самым независимым видом сидите на пригорочке, а потом потихоньку, чтобы вас не видели, занимаетесь коварными интрижками.

– Ну, что вы!.. – девушка смеется в ответ. – Мы не все такие.

Вдруг из-за ближайшего куста, нам навстречу, выходит Леночка. Вне всякого сомнения, она тоже спешит к Пегасихе. Почему я так решил?.. Потому что в ее руках камень и палка.

Девушка смотрит на Лену и вдруг начинает смеяться. Сначала ее смех довольно тихий, но постепенно он превращается в хохот. Не в силах справиться с ним, незнакомка присаживается на корточки.

– Ой, я не могу! – сквозь смех стонет она. – Да-да... Вы были правы. Ха-ха!.. Королевы все такие. Только, пожалуйста, не говорите Сереже!

Леночка, наконец, замечает, что я смотрю на камень и палку в ее руках. Она краснеет и быстро бросает их. Потом трет ладошки друг о друга...

– Ой, мама! – снова стонет «двойник» Леночки. – Вы были правы-правы-правы!..

... Через полчаса, я лежу на своем прежнем месте, а моих щек, лба и губ касаются губы Леночки. Иногда, очевидно вспоминая Пегасиху, Леночка тихо смеется.

А я – балдею. Потому что я все-таки победил Леночку. Но

я не дурак и я отлично понимаю, что победить окончательно Ее Величество Женщину невозможно. Просто Ее Величество взяли маленький, и очень ласковый перерыв...

ПА – ГЭ – БЭ

Это случилось... Да, уже давно. Кажется, в 1987 году. Я окончил институт по специальности «авторемонтное производство» и пару лет проработал механиком в пассажирском АТП. «Вьюноша бледный со взором горящим» проявил изрядную прыть в исследовании чуда соиндустрии под названием «автобус ЛиАЗ-677». Ну, а на досуге я еще немного поэкспериментировал с отцовскими «Жигулями».

Да-да, я уже тогда знал достаточно много... Например, меня не мог обмануть даже опытный водитель, который просидел за баранкой автобуса два десятка лет. «Вьюнош» мог запросто засучить рукава и нырнуть музыкальными пальцами внутрь движка. Ха!.. Да я мог определить на слух какой цилиндр не работает и по какой причине.

Но потом случилось ЭТО...

Я и отец поехали к моей теще в деревню. Набег на простодушных сельских жителей прошел успешно: в нашу машину занырнуло половина поросся, коробки с яйцами, банки с маслом, мешки с картошкой, пара гусей и еще много чего такого, в чем горожане уже испытывали явный недостаток в связи с начавшейся горбачевской перестройкой.

Правда, шутки ради, нам подкинули и свиную голову. Я не видел как... Поэтому отцовская шутка: «Леша, посмотри, кто у нас там, на заднем сиденье?», вызвала у меня – после того, как я оглянулся, – невольный, но очень громкий вопль: «Ой, мля!» Свиная башка прочно покоилась на мешках с картошкой.

Впрочем, это частности. А суть в том, что до дома было 200 верст по федеральной трассе... Но через двадцать километров у нас «полетела» прокладка головки блока.

Нет-нет!.. Мой рассказ не будет путаным рассказом технаря с обилием малопонятных терминов. Поясню все, что называется, на пальцах. Все знают, как консервируют овощи – между крышкой и горлышком банки лежит резиновая прокладка. Если в этой прокладке образуется даже крохотная дырочка, то через нее просочится воздух. ПГБ двигателя внутреннего сгорания примерно такая же, по своей функциональности, штукovina, как и резиновая прокладка под крышкой банки. Правда, «банка»-цилиндр окружена еще водяной «рубашкой» охлаждения. Сущность нашей проблемы состояла в том, что горячие газы из работающего цилиндра стали проникать в систему водяного охлаждения и выдавливать оттуда воду. Наш движок закипел.

Ну и что, спрашивается, делать?!.. Возвращаться в деревню глупо, но как ехать дальше? Из-под капота машины «дымит» паром так, словно движок решил немного попариться в бане. И главное, он теряет воду с такой скоростью, словно

нас грабит стадо верблюдов.

Не сговариваясь с отцом, едем дальше... Отец курит папиросу за папиросой и посматривает на меня. Опытный механик рядом!.. Чего бояться? Прорвемся!

Через каждые пять-семь километров мы тормозим и пытаемся сделать тоже самое с проносящимися мимо машинами.

«Дайте во-о-о-ды, граждане!..»

Нам подают... Иногда граждане выходят из своих машин. Правда, они тут же натываются взглядом на свиную голову на заднем сиденье нашей машины.

«Ой, мля!..»

Кое-кто смеется. Но не все.

Я регулирую карбюратор, но это мало что дает. Я понимаю, что дырочка в прокладке головки блока довольно маленькая, иначе мы уже давно и благополучно прокипятители движок до полного «стоп-приехали». Тут же я соображаю, что если залить в систему охлаждения «минералку», у нас появится шанс, что дырку затянет солью.

Мы начинаем охотиться на «минералку»... В купе со свиной головой в салоне нашей машины это производит на граждан еще более сильное впечатление.

Мы с отцом «грабим» несколько деревень по пути. Все емкости заполняет вода. На малейшем подъеме наш движок с пробитой ПГБ снова и снова «дымит» паром. Отец сбрасывает скорость. Тем не менее, мы догоняем немного стран-

ную кавалькаду – потрепанную «фуру» и пару милицейских машин. У «фуры» гремит подвесной подшипник на кардане, и она тащится медленнее нас.

Крошечная колонна тормозит, мы с отцом – тоже. Выходим, закуриваем. К нам подходят милиционеры.

– Что случилось?

Я все объясняю.

– Понятно...

– А вы кто?

– Мы – «политические», – смеется один из милиционеров. – Обкомовский обоз, можно сказать.

Я не думаю, что в охраняемой милицией «фуре» было что-то ценное. Вполне возможно там затаились всего лишь обкомовские папки с еще сталинским грифом «совершенно секретно» или еще какая-нибудь политическая ерунда, которая вдруг понадобилась кремлевским небожителям для очередной политической заварухи.

Пока мы стоим, я – то ли от злости на отцовские «Жигули», то ли просто от безделья – берусь помочь водителю «фуры». Осматриваем с водителем «подвесной» на кардане.

Я спрашиваю:

– Ремень есть?

Водителей удивленно:

– Какой ремень?

Водитель слишком молод, чтобы самому догадаться о таком простом решении проблемы. Короче, подтягиваем кое-

как подшипник... Теперь будет меньше греметь.

Выползаем из-под машины. Водитель явно веселеет.

– Механик? – спрашивает меня один из милиционеров.

Я скромно:

– Да вроде бы...

Милиционер:

– Наш «Жигуль» не помотришь?.. Бензин жрет как слон на водопое.

Да, пожалуйста!..

На регулировку карбюратора уходит пять минут. Еще пять на клапана. Водитель милицейских «Жигулей» садится за руль – на пробу так сказать. Машина сразу рвет с места так, что из-под колес шлейфом летит пыль.

Водитель тормозит и с восхищением смотрит на меня:

– Это что, елки-палки?!.. Это же теперь гоночная машина.

Мой отец самодовольно улыбается. Ему очень приятно, потому что его сын – отличный механик.

Едем дальше вместе с колонной из «фуры» и двух машин охранения. Когда останавливаемся, милиционеры помогают искать нам воду. Кстати, двое из них уже «познакомились» с нашей свиной башкой на заднем сиденье.

– Ой, мля!..

Батя мне шипит:

– Да выкинь ты ее.

Но я – против. Этой штучкой можно будет завтра кого-нибудь разыграть в гараже.

Не знаю как, но по трассе уже пошел слух, что на «хромых» «Жигулях» тащится очень хороший механик. Ко мне подходит милиционер.

– Слушай, ребята жалуются, какой-то мужик уже полдня на их посту торчит. Свой «Запор» завести не может. Помоги, а?..

Через полчаса мы доезжаем до поста ГАИ и благополучно заводим «Запор». Пока я вожусь с машиной, рядом тормозят еще две.

– Ой, мля!.. – это нашей свинской голове, а потом уже мне, – помогите, пожалуйста, товарищ механик.

Ну, я помогаю... Мой отец уже светится от гордости за сына-умельца. Он устанавливает некое подобие живой очереди.

Трогаемся... Через десять минут – шабаш! Опять стоим. К нам подкатывает милицейская «Волга». Там – грозный полковник с мужественным лицом. Но это лицо (правда, только после обязательного «Ой, мля!..») более чем простодушно улыбается мне.

– Пожалуйста, посмотрите машину. Ни один механик в гараже с ней справиться не может.

Я справляюсь. Потому что уже привык определять причину неполадок в движке на слух.

Полковник жмет мне руку:

– Спасибо.

Если бы у него был орден в кармане, он бы с удовольстви-

ем вручил его мне.

Рядом тормозит автобус – «ЛиАЗ-677».

– Слышь, ребята, механик у вас?

У водителя простодушное лицо сельского жителя. Че, спрашивается, ему милиция и живая очередь к механику?.. Ему своих односельчан в город вести надо.

Но сначала водитель смотрит на меня с явным недоверием:

– А ты с моим «мослом» справишься?..

Я спрашиваю:

– А что случилось?

Водитель:

– Третью скорость потерял.

У «ЛиАЗа» – гидромеханическая коробка передач. Для водителя это, может быть, и удобно, но, как и вся гидравлика, такая коробка требует качественного масла. Через десять минут мы находим «потерянную» скорость.

Водитель восхищенно:

– Не понял, а как ты?..

Ловкость рук, парень, и никакого «мошенства».

Прежде, чем тронуться дальше, мы с отцом слышим, как милиционеры говорят по радио:

– Санек, дуй сюда со своим «гробом». Ага, ждем на сто сорок пятом...

Темнеет... Конец августа. Ночь наступает довольно быстро.

На очередной остановке ко мне – «гениальному» автомеханику – уже выстраивается целая очередь и не только из милицйских машин.

– Ой, мля!!.. (это снова свинской голове) Товарищ, механик, помогите.

Мой отец сияет от счастья. К черту дорожные неприятности! Как оказалось, в жизни есть много приятных моментов. Когда отец хочет закурить, милиционеры предупредительно подносят спичку к его папиросе.

– Товарищи, не толкайтесь же.

– Ой, мля!..

– Товарищ механик!..

– Ой, мля!..

– Товарищ механик, можно вас на минуточку?..

Батя попыхивает папироской и в очередной раз начинает устанавливать живую очередь. Его авторитет непререкаем и перед ним пасуют даже милиционеры.

Потом снова приезжает полковник с мужественным лицом. За ним едва тащится «иномарка». Издерганный дорожными неприятностям зарубежный гость смотрит на меня с явным недоверием. Он что-то говорит мне через переводчика.

А-а-а, понятно!.. Недавно машина иностранца побывала в ремонте из-за неисправности системы питания. Сначала все было хорошо, а потом...

Иностранец смотрит на «Жигули» отца и громко вскри-

кивает:

– Мама миа!..

Все смеются... Кто-то из веселых водителей уже надел на свинскую башку старую фуражку.

Я подхожу к «иномарке». Я знаю только одно – в ее электросхему мне лучше не соваться. Ребята за бугром умеют работать с фантазией, которую нам порой очень трудно понять. Впрочем, ее трудно понять только ночью и при свете фонарика.

Я поднимаю капот и прошу водителя завести двигатель. Движок кашляет и чхает... Иностранец стоит рядом. Он что-то говорит переводчику, но тот только отмахивается. Все смотрят на меня.

Я кладу руку на воздухоочиститель и с силой давлю на него... Звук работы двигателя становится более устойчивым.

Водитель «иномарки» выскакивает из машины. На его удивленной физиономии написано: это что он там сделал?

Я снисходительно поясняю водителю:

– Под карбюратор сосет... Протяни винты и смени прокладку.

Тот болван, который ремонтировал движок, попросту не закрепил как нужно карбюратор. Возможно, «спец» спьяну промахнулся отверткой мимо головки винта.

Полковник снова жмет мне руку: не выдал, механик. Все – довольны.

Я отмахиваюсь: ладно, ребята... А вот моя прокладка... То есть ПГБ, это вам не просто ой-ой-ой... Меня понимают и мне сочувствуют.

Гордость моего отца не становится меньше: если с этой проклятой ПГБ не смог справиться его сын, то уж, сами понимаете, граждане, с ней не сможет справиться никто. Разве что только «минералка»... Но и фокус с «минералкой» тоже придумал его сын.

Наше приключение уже подходит к концу... Крохотную дырочку в ПГБ все-таки затягивает солью «минералки». Даже на подъемах машина перестает парить.

– Пора, батя.

Наверное, отцу не очень хотелось отрываться от «колонны». Он уже привык командовать очередью из водителей и ему это явно нравилось.

В конце концов, мы все-таки уходим в отрыв...

На следующий день я рассказываю о наших приключениях бригадиру «второго» маршрута.

Витек только жмет плечами:

– А зачем «минералка»? – спрашивает он. – Нужно было просто выкрутить свечу в нерабочем цилиндре.

Меня словно бьет током. Ой, мля!.. Если выкрутить свечу, в цилиндре не будет давления. А значит сгоревшая смесь не будет протискиваться через дыру-«игольное ушко» в систему охлаждения. Движок не будет кипеть, а без свечи в одном цилиндре можно проехать хоть тысячу километров. Пе-

перасход бензина не страшен – мои карманы забиты талонами на дармовой бензин.

И все?!.. Так все просто?!

Я иду на улицу... Меня почему-то тошнит. Мне плохо, а еще мне ужасно стыдно. Решение моей проблемы с ПГБ вдруг оказалось настолько чудовищно простым, что с ней смог бы справиться даже умный пятиклассник.

А те люди на дороге?.. Наверное, они все-таки тоже узнают об этом простейшем решении «проблемы ПГБ». Они будут расхваливать знакомым «гениального» механика, а среди слушателей, вполне возможно, найдется опытный водитель.

Боже!.. Какой позор!

Я тру лоб и пытаюсь понять, почему я не догадался о таком решении сам? Наверное, потому что я не был водителем-дальнобойщиком. Кстати, как выяснилось позже, почти никто из водителей нашей пассажирской автоколонны не смог решить проблему «прогоревшего ПГБ в полевых условиях». А зачем им было это знать?.. Если пробило прокладку ГБ в движке – просто вызови тягач. В более легких случаях, можно и самому дотянуть до гаража... Город – не чисто поле.

Прошло восемь лет... Мы с отцом снова возвращались из «набега» на деревню, и у нас снова пробило прокладку головки блока двигателя. Батя было заволновался, но я молча взял ключи, молча вышел из машины и молча вывернул свечу.

Тронулись дальше... Движок, конечно, чуть капризничал, но путешествовать дальше можно без особых проблем. Движок не кипел.

Потом отец понял все. В сущности, как я уже говорил, «загадка ПГБ» на удивление проста.

Отец нахмурил брови и спросил:

– Когда, узнал про свечу, сынок?

– На следующий день.

Наверное, отец тут же вспомнил свою «отцовскую гордость» восьмилетней давности там, на августовской дороге. И я вдруг увидел, как краска стыда залила его лицо.

Я отвел глаза.

– Ды, ладно тебе, пап...

Отец кричит:

– Сволочь ты, а не механик, понял?!.. На хрена, спрашивается, я тебя в институте учил?

Он бушует еще минут пять. Но я молчу. Отец вспоминает мои первые, недавние, публикации в газетах... Его сын вдруг решил из механиков переквалифицироваться в писатели.

– Ты и писателем таким же будешь, как и механиком, – шипит отец. – Халтурщик!..

Я снова молчу, потому что мне нечего возразить.

Прошло еще пятнадцать лет... Отца уже нет. Я не знаю, каким я стал писателем, не мне судить. Но я очень часто повторяю про себя три «волшебных» слога: «ПА-ГЭ-БЭ!..»

И знаете, иногда все-таки это помогает.

Возвращение Европы

Озеро Пушистое – бывшая пойма реки. Оно длинное, узкое и очень симпатичное. Особенно вечером... Я имею в виду не только вид на озеро, но и коктейль из дыма костра, женского смеха и легкого ощущения воскресного счастья.

Я, Людочка и Света сидим у костра. Я травлю веселые байки и молодые женщины задорно смеются. Мужья Люды и Светы – Колька и Мишка – пытаются разобраться с сетью. Они там, ближе к берегу... Ребята в состоянии легкого подпития и им нелегко напрягать мозги, переключенные в режим выходного дня.

– Чертова сеть, – шипит Колька.

Сеть довольно длинная и она никак не хочет разматываться.

– Муж! – громко зовет Людочка.

– Шо?..

– Рыба где?

– Ща-а-а...

Света и Люда громко хихикают. Мои друзья недоверчиво косятся на своих женушек: очаровательные женщины что-то уж слишком веселы. Мужская – нет, не ревность – а, скорее, настороженность скукоживается между их бровей. Коля и Мишка хмурятся так, словно у них чешется чуть выше переносицы.

Света плетет что-то из соломы, ромашек и жесткой осоки.
– Все, – говорит она.

Итог женской работы довольно оригинален: это две шапочки с большими, явно чертенычьими рожками. Мужей зовут к костру. Через минуту спора шапочки с рожками оказываются у них на головах.

– Это у вас проросли мужские, частнособственнические мысли, – весело поясняет Света.

– Отеллы-ы-ы! – смеется Людочка.

Ни Коля, ни Мишка не решаются снять шапочки потому что следующая порция пива надежно спрятана женщинами.

Коля и Мишка покорно возвращаются на свое прежнее рабочее место.

... А еще через пять минут появляется Она. Кто Она?.. Европа, елки-палки!

Я уже говорил, что Пушистое довольно большое озеро. Рядом с нами – метров сто, не больше, – располагается шумный табор, прибывший на семи свеженьких «иномарках». Там два десятка парней и девчонок.

Она, девушка-Европа, пришла оттуда... Это маленькая и миленькая девушка в более чем скромном купальном костюме. Солнце уже наполовину скрылось за горизонтом, свежее, и на плечах девушки лежит легенькое одеяльце. Она держит в руках бокал с чем-то прозрачным.

Девушка легко смеется и о чем-то спрашивает Мишку по-французски.

Мишка удивленно:

– Че?..

Коля шипит другу:

– Умолкни, балбес, – он подхалимски улыбается французженке: – Бонжур, мадам!.. Паркуа па?

– Кюи? – удивляется гостья.

Коля знает чуть больше десятка слов по-французски. Тем не менее, он завязывает непринужденный разговор с очаровательной гостьей.

Женский смех у нашего костра тут же стихает. Люда и Света пренебрежительно рассматривают гостью: мол, па-а-адумаешь цаца какая пришла. Да она к тому же и пьяная, кажется?!

Коля преувеличенно ласково обращается к девушке:

– Простите, вы нам не поможете?

– Кюи?

– Мы сеть распутываем. Но вдвоем не справляемся. (Вообще-то Коля больше объясняется жестами) Сеть подержите, пожалуйста.

Французженка снова непринужденно смеется. Она послушно берет край сети одной рукой и одновременно пьет из бокала. Мне кажется, что ее уже слегка пошатывает.

– Ты что сеть дергаешь?! – кричит Коля Мишке.

Нет, Мишка не дергал сеть. Он только слегка потянул ее, но хмельная французженка едва не валится с ног и снова хихикает.

Довольно быстро темнеет, потому что набегают легкие облака. Из темноты, со стороны берега, до нашего костра доносится непринужденная русско-французская болтовня.

Коля декламирует Маяковского:

– Я хотел бы жить и умереть в Париже...

Люда ревниво кричит в темноту:

– Я тебя ща-а тут, на Пушистом, убью, черт ты такой!

Мы – я и две дамы – уже почти не видим того, что происходит у берега. На фоне чуть светлого пространства озера мелькает Колина рука. Коля поправляет шапочку с чертенячьими рожками и надевает поверх ее «фонарик электрика». Хилый лучик света тут же принимается метаться из стороны в сторону.

– Мишка, лапы убери!.. Ты вот тут бери и тяни.

– Кого тяни?

– Сеть. Сзади девушки зайди. Пошла сеть, пошла, родимая!

– Коля, это не сеть идет, а она.

– Кто она?!

– Кюи?

Колькин вопль:

– Что вы меня в сети запутываете?! Стойте оба!

– Кюи?..

– Коля, она сейчас упадет.

– Кто, сеть, что ли?!

Проходит еще минута... Говор в темноте стихает.

Людочке и Светочке очень хочется подойти к мужьям. Женщины ерзают от нетерпения, но невероятным усилием воли они все-таки справляются с любопытством.

Наконец из темноты доносится Колин голос:

– Ребята, идите сюда.

Мы подходим. В слабом луче света фонарика мы видим на земле аккуратно упакованную в сеть милую француженку. Девушка спит.

Мишка громко и трагически спрашивает:

– Ребята, что делать, а?!.. Честное слово, это она сама так запуталась.

Света иронично:

– Начал красть – кради дальше, абрек.

Я говорю:

– А если ее разбудить?

Коля:

– Она крик поднимет. Она же ничего не соображает.

Неожиданно издалека до нас доносится зов:

– Жю-ю-ли-и!.. А-ал-ло-о-о!..

Мишка выдает свистящим шепотом:

– Все!.. Ее уже ищут.

Люда смеется:

– А вот когда вашу, – она с удовольствием подчеркивает последнее слово, – вашу гостью найдут...

Света быстро вставляет:

– ... В сети, как Золотую рыбку....

Люда:

– ... Вот тогда вам и будет все.

Коля:

– Кончай базар. Ребята, серьезно, что делать?

Мы, все пятеро, склоняемся над француженкой. Она и в самом деле спит. Спит, как ребенок!

Через полминуты я – как наиболее трезвый – констатирую:

– Нужно резать сеть.

Мишка тут же начинает ныть:

– Жалко же...

На него шикают сразу три голоса:

– Не жужжи!

Коля встает на колени и осторожно режет сеть перочинным ножиком.

Вдруг:

– Ой, ма!

Хор голосов:

– Что?!

Коля:

– Ребята, я ей бретельку лифчика перерезал.

Я:

– Уф-ф-ф!.. Я уж подумал, ты ей ногу оттяпал.

Мишка раздражено:

– Дай сюда нож!.. Тоже мне, раскройщик женских купальников нашелся.

Сопение в двенадцать ноздрей... Мы склоняемся все ниже и ниже над нашей невольной «жертвой» и едва ли не лежим на спинах друг друга.

Как темно!.. Луч света фонарика слабеет прямо на глазах.
Мишка азартно прикусывает нижнюю губу:

– Больше света и ближе.

Света возмущенно:

– Тебя что, еще и обнять, что ли?

Коля:

– Ды слезьте же с меня!.. Руку со спины уберите.

Люда:

– Это уже моя нога, муженек.

Мишка неожиданно и очень громко выдает:

– А-а-а, елки!

Хор голосов:

– Что?!

Мишка еле слышно:

– Трусики...

Короткое молчание.

Трагический хор голосов:

– Какие трусики, идиот?!

Мишка:

– Ее... Французские. Перерезал. Ребята, как мы ее голой возвращать будем?

Люда:

– Теперь, как честный человек, Мишка, ты должен на ней

жениться.

Света:

– А я как же?!..

Люда:

– А тебе мы украдем здешнего француза.

Коля:

– Я тут видел одного, он коров неподалеку пасет.

Смех. И снова возня, сопение...

Мишка стонет:

– Ребята, я, кажется, и вторую бретельку перерезал.

– Да что ты делаешь?!.. Ты же доктор физико-математических наук, что ты пристал к этим трусикам?

– Да их же тут почти нет... Одна видимость.

– Видимость чего? Режь дальше сеть, Левша! И больше ничего не трогай.

– А тут больше ничего и нет уже...

В нашу сторону движется цепь из десятка фонарей.

Крик на весь берег:

– Жу-у-ули-и-и!.. Жу-у-ули-и-и!

Наконец с сетью покончено. Голая француженка улыбается и кладет под щеку кулачок.

Коля шипит:

– Потасили ее вон в тот стог, справа. Мол, гуляла девушка, сомлела от шампанского и уснула в стожку. А купальник она, конечно, без нас потеряла.

На фоне чуть бледного неба возникают две рослые тени

с рогами на головах. Тени оглядываются по сторонам и поднимают с земли третью.

– Пошли!

Рогатые тени крадутся в противоположенную от озера сторону.

Мишка тихо стонет:

– Ай!

Колька сдавлено:

– Че?!..

Мишка:

– Чуть не упал... Я на твой хвост наступил.

Колька оглядывается:

– Офигел?.. На чей хвост?!

Света и Люда начинают хохотать. Мишка имел в виду «хвост» одеяла, в которое мы укутали француженку. Но тени с рожками на фоне неба настолько выразительны, что это не может не вызвать улыбки.

– Ха-ха!.. Гы-гы!

Женщины зажимают ладонями свои рты. Мы идем, точнее говоря, крадемся дальше.

Издали, но все-таки уже ближе, снова доносится:

– Жу-у-ули-и-и!..

Мишка едва ли не стонет от досады:

– Шерлоки холмсы! Ребята, нас справа обходят.

Мы сворачиваем налево.

Чужое «...у-у-ули-и-и!..» отдалается.

Мишка спотыкается второй раз и громко шепчет в спину Коле:

– Ты все-таки «хвост» подбери.

Света и Люда в очередной раз топят смех в ладошках.

Коля злится:

– Хочешь, по рогам дам, юморист?!

Коля:

– Чем?.. У тебя копыта заняты.

Через пару минут мы уже отдыхаем возле стога сена. Цель достигнута. У-ф-ф!..

Ночь вокруг. Звезды... Удивительно сильно пахнет свежей травой. Ночь торжественна и бесконечна, как звездное небо над головой.

Коля склоняется над завернутой в одеяло француженкой. Он улыбается и рассматривает ее красивое, тонкое лицо.

Люда грозно шипит на мужа:

– Ты че там делаешь, хам?

Коля фальшиво-нежно:

– Я только ей одеяло поправлю...

Он нерешительно поднимает руку.

Люда:

– Я тебе сейчас нос на бок поправлю. Убери лапу!

Теперь смеется уже Мишка.

Он почесывает чертенячьи рожки на голове и говорит:

– А вот я ее сейчас поцелую.

Света:

– Ребята, отойдите в сторону, не мешайте. Я пинка мужу дам.

Возвращаемся.

Люда и Света снова смеются.

– Вот черти!.. Козлы вернули капусту. Нет, Европу в Европу!

...Утром мы находим возле разрезанной сети серебряный медальончик. Открываем... Внутри фотография: черт с блондинкой на руках. Разумеется, мы, мужчины, рассматриваем фото значительно дольше женщин. А пока я, Мишка и Коля глазеем на очаровательное личико нашей вчерашней гостьи, Люда и Света ухитряются снова навесить мужьям сзади «хвосты» из обрезков искромсанной вечером сети.

Мишка вздыхает и говорит

– Да, зря я все-таки вчера ее не поцеловал. Она бы не против была...

Коля:

– Точно. Европа – прежде всего эротическая культура. Например, если сделал человек доброе дело – изволь тут же получить презент.

Мишка продолжает с чувством горькой потери:

– А у нас не так... У нас – все даром.

Коля:

– Ага, для этого наши женщины и замужество придумали.

А вот чтобы по-настоящему...

Я подсказываю:

– ... По-чертенячьи...

Мишка снова вздыхает:

– ... Этого – ни-ни.

Люда поднимает «чертенячью» шапочку с рожками и нахлобучивает ее на голову мужа.

Мы вешаем медальон на воткнутую в землю палку. Потом идем к машине... Мишка тут же наступает на «хвост» Коли, а я – Мишке.

Женский смех звучит на все озеро.

Люда весело говорит:

– Все!.. Домой, чертики, домой!

Короче говоря, в общем и целом, возвращение Европы прошло успешно...

Дураки и дороги

Раннее утро... Где-то в тумане загадочно квакают лягушки. Запахом тины пропитан даже тусклый восход. Мы сидим на раскисшем после дождя берегу пруда и тупо смотрим на неподвижные поплавки.

– Идиоты вы, – ругается Сашка. – Писатели, понимаешь... Рыбалка называется – заманили человека жрать водку в болоте! Я сейчас сдохну от похмелья.

Костик вяло улыбается и смотрит на меня.

– Леш, расскажи анекдот...

– В гробу я видел ваши анекдоты, – рычит Сашка.

– Леха их сам придумывает, – хихикает Костик. – Он – остряк-самоучка.

– Я вчера к врачу ходил, – Сашка прогибается и чешет широченную спину большим пальцем. – Он мне говорит: «Плюньте на все и забудьте». Вот анекдот, а?..

– Значит, так, – быстро начинаю я. – Пришел мужик к врачу. Тот его выслушал и говорит: «Плюньте на все и забудьте». Мужик: «Тьфу!» Врач орет: «Мне в лицо?!» Пауза. Мужик удивленно: «Когда, доктор?»

Сашка думает, снова чешет спину и только потом говорит:

– Я ничего не понял.

Я:

– Врач сказал, мол, плюньте и забудьте. Мужик плюнул и забыл.

– Ты философ-одиночка, Леха, – снова оживает Костик. – Твои анекдоты поражены молью и скучной моралью. Ты – эстетический пораженец.

– Обоих бы вас, гадов, в этом болоте утопить, – мечтательно говорит Сашка.

Я натыкаюсь рукой на пустую бутылку. Бутылка летит в озеро... Там, в тумане, раздается глухое «плюх».

– Костик, знаешь, почему поединок «мужик – бутылка водки» всегда заканчивается вничью?

Мой друг молчит.

– Потому что и бутылка пустая и мужик – лежит.

– Ты – эпикуреец-алкоголик, – выдает Костик. – Саш, ска-

жи ему!..

– Не знаю... – вздыхает Сашка. – Кстати, вы оба похожи на Му-Му. Купаться пойду – вас с собой захвачу.

Я смеюсь.

– Заплаканный Колобок прикатился в магазин канцтоваров. Колобок немного поглазел на витрину, потом спрашивает продавщицу: «Скажите, тетя, в вашем магазине ручки есть?» Продавщица: «Есть, малыш...». Колобок всхлипывая: «А ножки?»

– Садист! – констатирует Костик.

– Ага, – соглашается Сашка. – Кстати, Леша, на Му-Му ты похож значительно больше Костика.

Я продолжаю:

– Здоровенный мужик в рабочей спецовке несет по улице дверь. Дверь очень тяжелая, в коробке. Мужик остановился перекурить и прислонил дверь к стене магазина, как раз рядом с табличкой «Часы работы». Вдруг откуда ни возьмись – алкаш. Алкаш «открыл» дверь... А там кирпичная кладка! Кандидат в посетители долго рассматривал стену, потом перевел изумленный взгляд на покуривающего мужика в спецовке и выдал: «Да ты че, мужик?.. Там же люди!»

– Ну и очень глупо, – уверенно заявляет Костя.

– Глупо то, что, например, вчера я мог отдохнуть в ресторане с красивыми женщинами, – говорит Сашка.

– И я бы мог с тобой! – поддерживает нашего богатого друга Костик. – Но теперь мы вынуждены слушать этого иди-

ота. В Леше нет радости жизни. Он смотрит на людей как импотент-академик на амеб под микроскопом. Наш друг лепит анекдотических гомункулов и думает, что это смешно.

Пока Костик разглагольствует, я незаметно вытаскиваю из его рюкзака тетрадку. Когда вчера вечером мы с Сашкой пили водку у костра и ржали во всю глотку, Костик сидел на берегу и что-то быстро записывал в тетрадку. Он даже не смотрел на поплавки.

Я раскрываю тетрадь... Так и есть!

– ...Иногда мне кажется, что человек рожден только для счастья, – начинаю читать я с первой попавшейся страницы. – Потому что у человека просто нет другого выхода. Сейчас я смотрю по сторонам и готов смеяться от радости. Как дивно и чарующе просто жить!..

Мой громкий голос, наверное, слышно на другом берегу озера.

– Гад, отдай! – кричит мне Костик. – Сейчас убью!

Мы в обнимку катимся по берегу. Костик рычит мне в ухо и слепо нашаривает мою руку с зажатой в ней тетрадкой.

– Нет, кто философ?! – ору я. – Кто эпикуреец, а?

– Ты!

– По сторонам он смотрел!.. Да ты самого себя не видел.

Такого карася упустил, что...

– Все равно убью тебя теперь!

Сашка зевает и смотрит на часы. В следующую секунду он уже на ногах.

– У меня же самолет в десять! – кричит он. – В машину, живо.

Сашка швыряет в багажник все, что попадает под руку. Потом он тащит нас с Костиком к машине. Мы продолжаем борьбу в могучих руках бизнесмена. Сашка заталкивает Костика на переднее сиденье, меня – на заднее. Мы пытаемся возобновить схватку, но мощный джип так швыряет на ухабах, что больше всего достается Сашке.

– Сделка на «пол-лимона» горит сивушным пламенем, – стонет Сашка, не отрывая взгляда от дороги. – Надо же, связался с двумя дурачками-интеллигентами. Тихо, машину перевернете!

Наша схватка с Костиком стихает лишь после того, как он завладевает своей тетрадкой. Костик прижимает ее к груди и всхлипывает как ребенок.

– Рыболовы!.. Писатели идиотские! – Сашкин джип выписывает такой крутой вираж, что меня чуть не выбрасывает в окошко. – Да что вы в жизни-то понимаете?!

Мы с Костиком молчим.

Джип вырывается на шоссе. За окном с ревом, как оторванный в бурю парус, поласкается ветер.

– Я сразу в аэропорт, – говорит Сашка. – Кто машину отгонит?

– Я!.. – хором говорим мы с Костиком и тянем руки как школьники.

Получается довольно смешно.

– Сволочи вы, – улыбается Сашка. – Кстати и я тоже. Леха, запиши рассказ, только что придумал... Первый и последний в жизни. Дарю.

– Тетрадка у Костика, – напоминаю я.

– Буду я еще всякую ерунду записывать, – ворчит Костик.

– Пиши-пиши, писатель!.. – Сашка морщит лоб. – Значит так... В иностранном кабаке, уронив голову на стойку, спит пьяный мужик. Его будит бармен и спрашивает: «Мсье собирается платить по счету?» Мужик с трудом фокусирует взгляд и отвечает: «Нет». Официант: «Почему?» Мужик коротко бросает: «Я русский писатель, сволочь!» Через час бармен снова разбудил мужика и спрашивает: «Мсье, я долго думал, но так и не смог понять, почему русский писатель не должен платить по счету?» – «Значит, ты все-таки думал?» – «Думал, мсье» – «Долго?» – «Долго, мсье» – «Вот и запомни, сволочь, что я разбудил в тебе человека!»

Костик снисходительно усмехается и все-таки делает пометки в тетради.

Я смотрю на дорогу и думаю... Как относительна дорога! Если смотреть на деревья возле нее, то мы стремительно летим вперед, а если дальше – на деревню – мы еле-еле движемся.

Костик оглядывается. Он бросает на меня быстрый взгляд и спрашивает:

– Что улыбаешься?.. Следующий анекдот придумываешь, сволочь?

...Если же смотреть на облака, то мы практически стоим на месте.

– Та-ра-ра!.. – очень громко, чтобы сбить меня с мысли, поет Костик. – Пум-пу-рум!.. Бум-бум!

Я затыкаю уши. Мысль о дороге настолько неожиданная, что мне кажется, что там, за ней, стоит что-то гораздо большее, чем ее простенькое начало.

– А-а-а, две гитары за стеной!.. Чавелла-брахмапута-а-а! – что есть силы, орет Костик. – Давай-давай, черноголовый!

– Все интеллигенты – настоящие сволочи, – замечает Сашка. – Друг друга сожрать ни за что готовы. У нас в бизнесе честнее – грохнут и все. Больше не трогают.

Костик переходит на откровенный визг:

– Поговори со мной, гитара семиструнная!.. И-и-и!.. Бам!!

...Почему дорога всегда добрее человека? И почему она готова простить нас за маленькое, даже совсем крохотное усилие? И дело даже не в том идем ли мы по ней неторопливым шагом или стремительно мчимся на машине.

– Шурум-бурум! – ревет Костик. – Я убью тебя, лодочник! А-а!!

...Почему так? И что объединяет человека и дорогу? Может быть то, что дорога начинается в самом человеке, едва лишь он появляется на свет?..

– Тили-тили, трали-вали, это мы не проходили!.. Па-ра, пам-па!

– Заткнись, идиот! – кричит Сашка.

...А что дает человеку дорога: свободу или судьбу независимую от его личной воли? Наверное, все-таки свободу. Потому что дорога – добра... Она огромна! И только дорога, только она, никогда не устает.

Наша машина стремительно летит вперед. Костик замолкает... Мы смотрим на дорогу.

И каждый думает о своем...

Девушка с веслом

... Берег речушки средней полосы России. Я лежу на спине и рассматриваю «слонышко» через прикрытые, мокрые ресницы. Пляж гудит множеством голосов, смехом и веселыми вскриками. Народ на пляже «пасется» самым активным образом: волейбол, лодки, карты и ни к чему не обязывающий флирт. Этот флирт удивительно невесом: «Здравствуйте!» – «До свидания» – «Ну и ладно!..»

Наконец, мне надоедает рассматривать солнце через ресницы. В воду!.. Там, справа когда-то был мосток, но теперь от него остались только сваи. Если стать на одну из них, то вода отступит до пояса. Я встаю и, улыбаясь по сторонам, жду. Чего?.. Иногда мимо проплывают лодки с женщинами и девушками.

– Скажите, молодой человек, а тут действительно мелко?

– Ага!..

– А чему вы улыбаетесь?

– Не обращайтесь внимания. Это от одиночества.

Иногда мне верят, и девушки-женщины решаются сойти с лодки неподалеку от меня.

Бульк!.. И девушки-женщины уже нет. Но тут же появляюсь я. О, нет, я веду себя как истинный джентльмен. Я имею в виду свои руки... Иначе, даже спасая даму, можно запросто схлопотать по физиономии. Почти всегда мои «жертвы» смеются над собственной доверчивостью. Кстати, спаситель имеет полное право узнать имя спасенной.

Итак, я стою и поджидаю очередную лодку.

Ага, плывет!.. В лодке четыре полуголые красавицы. Правда, им уже за тридцать... Самой «старой», наверное, все тридцать пять. Женщины внимательно смотрят на меня и тоже чему-то улыбаются.

Самая «старая» и удивительно симпатичная, кивает на меня и говорит своим подругам:

– Такого бы кабанчика веслом по голове – и в нашу лодку.

Я громко говорю:

– Хрю-хрю.

Ее подруги смеются. Лодка уже проплывает мимо. Весло тоже «проплывает», но по воздуху и возле самого моего носа. На секунду весло замирает и начинает приподниматься над моей головой. Женский хохот в лодке растет и ширится, как лесной пожар. Смеется даже десятилетняя девочка. Кажется, это дочка одной из женщин...

– Не бойся, кабанчик! – «старая» женщина белозубо улыбается. – Я тебя потом съем.

Лодка уходит в низ по течению...

Я плыву на противоположенный берег. Там можно немного попрыгать в воду со старой ивы... Через полчаса я возвращаюсь на «свою» сваю. Та, лодка с четырьмя красавицами и девочкой, уже возвращается... У женщин сильные руки и их суденышко довольно бодро идет против ленивого течения.

– Привет, кабанчик.

Я уже открываю рот и вдруг... Бац! На меня сзади обрушивается весло. Его пластмассовый «наконечник» почти невесом, но удар получается настолько неожиданным, что я едва не падаю со сваи.

Что это?!.. Я оглядываюсь. Оказывается, на меня сносит течением еще одну лодку. В ней молодая девушка с застывшим, перепуганным лицом. Она не может справиться с лодкой.

И снова: бац-бац!.. Весло колотит меня по голове и по плечам.

– Слушайте, слушайте!.. – кричу я и пытаюсь поймать весло. – Вы что делаете?!

Но я попросту растерян и явно проигрываю веслу. Четыре красавицы в лодке начинают хохотать.

Кто-то из них громко говорит:

– Зойка, ты только хотела его веслом стукнуть... Ха-ха!..
А теперь учись, как надо!

Весло делает очередное неуловимо быстрое движение и бьет меня в живот.

А-а-а, черт!.. Я падаю в воду. Хохот, в перегруженной красавицами лодке, становится просто гомерическим. Одна из них стоит, потому что только что хотела сойти с лодки. И именно это становится причиной катастрофы – лодка сначала черпает бортом воду, а потом круто переворачивается.

Кто-то из женщин успевает громко и испуганно крикнуть:
– Леночка!!..

Я мгновенно понимаю, что Леночка – это та девочка, которая была в лодке с женщинами.

Я ныряю... Ищу ребенка. Но натыкаюсь только на ноги женщин... Вынырываю. Тут же «знакомое» весло бьет меня по голове – бац! Но мне не до него. Я снова ныряю, ищу, вынырываю – бац!..

Черт бы все побрал, но лодка с неумелой и юной девушкой просто вездесуща. Где бы я не всплыл, я тут же получаю веслом по голове. После очередного нырка я со всего маха бьюсь макушкой о днище неуправляемой лодки: бам-м-м!.. Звук удивительно тупой, словно ударили обухом по колоде.

У меня темнеет в глазах, и я погружаюсь в глубину. Тем временем девушка-неумеха в лодке пытается как-то справиться со своим в конец одичавшим веслом вынимает его из уключины. Тут снова всплываю я... Бац!! На мою голову обрушивается уже не пластмассовый наконечник, а само весло. В купе со столкновением с днищем лодки, это уже почти

катастрофа. Я захлебываясь и борюсь за жизнь между упавшим в воду веслом и бортом лодки. Мне очень трудно поднять руку, потому что я попал в узкую щель. Черт возьми, мне уже кажется, что это весло живое. Эта гадина снова и снова хочет меня утопить!..

Краем глаза я вижу, как с берега бросается воду рослый, широкоплечий парень. С профессиональной быстротой он плывет в нашу сторону.

Проходит пять секунд – и он уже рядом со мной.

– Ты как? – парень удерживает надвигающуюся на меня лодку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.